

◆ ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ◆

ДИНА
РУБИНА

Почерк Леонардо

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р82

Оформление серии *Натальи Ярусовой*

В оформлении переплета использованы фрагменты работы
художника *Бориса Карафелова*

Рубина, Дина.

Р82 Почерк Леонардо / Дина Рубина. — Москва : Эксмо, 2024. — 448 с. — (Всемирная литература (с картинкой)).

ISBN 978-5-04-196899-1

«...Он уверял, что она — ангел. Смешно, конечно? Не в том смысле, что типа как с неба ангел, а, мол, природа ее родственна неким существам, которые в народном сознании фигурируют как ангелы-архангелы всякие... ну и прочая небесная братия. Что люди в них верят, потому что время от времени такие существа действительно появляются на земле среди людей...»

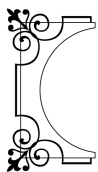
Она пишет зеркальным почерком, от которого у непосвященных кружится голова. У нее блестящие способности к математике и физике, она гениальная циркачка, невероятный каскадер, она знает о зеркалах все, что можно о них знать. Она умеет видеть прошлое и прозревать будущее. Киев, Москва, Франкфурт, Индианаполис, Монреаль — она летит по жизни, неприкаянная и несвободная, видит больше, чем обычный человек способен вообразить, — и ненавидит за это себя и того, кто наделил ее такой способностью.

Мистический роман Дины Рубиной «Почерк Леонардо» — история человека, который не хотел быть демиургом. История женщины, которая с великолепной брезгливостью отвергает дар небес.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

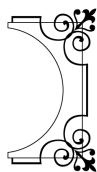
ISBN 978-5-04-196899-1

© Д.Рубина, текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

РОДИНА РОМАНА

Предисловие

Роман «Почерк Леонардо» во многом построен на материале «чужеземной жизни», тщательно прописанной, так, чтобы русский читатель увидел и парходик на Рейне, и виноградники, шпили башен немецкого городка и улицы Монреаля. Однако есть там и Киев, и разные прочие советские широты вполне гастрольного-циркового толка.

«С чего начинается родина» любого романа? На этот вопрос каждый литератор ответит по-своему, причем, каждый раз, с каждой новой книгой, иначе ответит.

Судьбы книг очень похожи на человеческие. И зарождение книги очень напоминает зарождение человеческой жизни. Крошечная клетка, из которой вырастает целый мир. Бывает так, что вдруг видишь какое-то лицо, которое тебя потом мучает, требует воплощения... А бывает, что весь роман со всеми своими героями обрушивается на тебя некой звучащей интонацией.

Мой роман «Почерк Леонардо» зародился на чужбине...

Он «завучал» во мне явственно и внезапно за завтраком, на кухне у моей сестры в Бостоне. Она рассказывала, как ее знакомый оркестрант, фаготист, однажды в октябре ехал на репетицию оркестра в соседний городок по очень крутой горной дороге. Неожиданно, внезапно и не

типично для октября в Новой Англии налетела снежная буря, стали падать деревья, нагруженные листвой и снегом, дорогу завалило... И фэготист просидел в машине восемь часов, потому что дорожные службы не были готовы к такой внезапной зиме.

Поскольку его фэгот мог замерзнуть, музыкант стал играть, разогревая инструмент, и много часов играл весь свой репертуар... Заканчивал Баха, возвращался к Сен-Сансу...

Едва сестра это произнесла, во мне зазвучал фэгот... Густой одинокий протяжный голос в снежной буре. Я сразу поняла, что это — роман. С необыкновенной ясностью осознала, что *мой*-то музыкант и ехал, возможно, на репетицию, только не доехал... Поняла, что обязательно должна там быть любовь, большая трагическая любовь...

Я не знала еще, не видела лица героини, не понимала — к кому, зачем он едет... а только именно в те минуты роман уже состоялся — этой интонацией, этим голосом фэгота... Оставалось только написать этот роман, «разыграть», оркестровать, разнообразить...

Однако «улита едет»... Интересно, что героиню, спустя чуть ли не год, я нашла опять-таки в Америке, разъезжая по городам в очередной гастрольной поездке. К тому времени уже знала, что она должна быть... циркачкой. Она приснилась мне — шла с балансиром по канату. Я проснулась и подумала: что за бред? откуда? зачем? В цирке я была только в детстве раза два, вот уж совсем не мои утехы. Тогда я даже не знала, что тот самый шест, та палка, которую канатоходцы держат в руках, называется балансиром...

Однако в нашем деле следует очень чутко прислушиваться, когда тебя окликают во сне. Писательские сны — это, знаете ли, очень серьезно. Поняв, что моя героиня не желает слезать с каната, принялась я искать цирковых людей... А трудно! Совсем другая, чужая среда.

Тут звонит мне из Монреаля подруга Лена, я ей жалуясь на свои чисто писательские сложности, и она говорит: «Так ты приезжай к нам. Мои девчонки работают в знаменитом «Цирке дю Солей», одна переводчицей, другая в кастинге... Они все тебе покажут...»

Я подумала — вот и отлично, цирк у меня в кармане, ура. Опишу, как эти самые... ну, как их там... кувыркаются на этом самом... ну, как его там... Съезжу в Монреаль на пару дней, пошляюсь, поглазею, поговорю с кем-то из циркачей (тогда я еще не знала, что цирковые ненавидят это слово — «циркач», и никогда им себя не называют), и дело будет в шляпе — много ли надо писательскому воображению!

Само собой, за эту наглую самонадеянность, за неуважение к огромному чужому судьбинному труду я оказалась жестоко наказанной.

Приезжаю — в цирке каникулы, пустые студии, пустыющие гримерки, никого нет, тренируется лишь какой-то воздушный гимнаст на трапеции. И так неэлегантно тренируется, медленно разучивая один и тот же трюк... скукотища! Нет чтобы клоун навстречу и — ррраз! — перекувыркнулся... (Тогда я опять-таки не знала, что «клоун» в цирке называется иначе...)

Я просто в отчаяние впала! Роман начат, живой, уже во мне звучащий... а больше ничегошеньки-то и нет. И я заробела... Главное, стала догадываться, что Цирк — это бездна такая, которую не то что вычерпать, а по краешку пройти и то страшно. Обязательно свалишься без знания точных реалий. Куда уж мне, совершенно посторонней в том мире...

Короче, в ужасе и унынии возвращаюсь из Монреаля к сестре в Бостон, а та и говорит:

— Слушай, тебе тут звонили из Майами, говорят, ты обещала приехать, выступить? Ты, видимо, совсем спятила? Или географию в школе не учила? Ты знаешь,

что такое Майами — в июле?! Тебе Тель-Авив покажется Сибирью. К тому же это три с половиной часа лету туда, и столько же обратно. Во имя чего? Погарцевать перед пятью русскими пенсионерами?

Я совсем расстроилась: действительно же не представляла, что это за расстояния. А отказывать неудобно: обещала, организаторы уже купили мне билет на самолет...

Словом, поплелась я в Майами.

Прилетаю и уже в аэропорту понимаю, что конец мне — с моей-то астмой — настает самый натуральный. Меня встречает милая такая пара, муж и жена, местные активисты. Заботливо вытаскивают из кондиционированного аэропорта, запихивают в кондиционированный автомобиль... Но в эти три минуты перерыва я обреченно хватаю ртом воздух раскаленной домны и мысленно произношу разные очень эмоциональные слова.

— У нас тут отлично, — слышу я между тем своих провожатых, — климат хороший, теплый, вечное лето. Если б только не крокодилы...

— А что — крокодилы? — испуганно спрашиваю я. — Где они?

— Да везде, — охотно отвечают мне. — Вон, видите это шоссе, по которому мы сейчас едем? Называется Крокодиловая аллея. Сетки вдоль дороги видите? Это ограждения... Гринпис проклятый не дает отстреливать, вот и расплодилось их четыре миллиона. В дома заходят, в бассейны хлюпаются...

— А вы меня куда... поместите? — осторожно спрашиваю я.

— В квартирку тут одну. Она на первом этаже, так вы просто запирайтесь хорошенько. Да вам не стоит беспокоиться! Крокодилы на взрослых редко нападают. В основном на кошек, собак... ну и детей нельзя выпускать гулять

одних. А на взрослых — редко прыгают. Десять, примерно, случаев в год, не больше...

— Понятно, — говорю я, медленно остывая в этой жаре.

— А в океане их всех вообще акулы съели. Вы, Дина Ильинична, взяли купальник-то? Поплавать?

— Знаете... — мямлю я, — предпочитаю просто душ... если можно...

— Напрасно, напрасно! Акулы на людей довольно редко нападают. Случаев десять в год, не больше... Это все Гринпис проклятый: акулы им дороже людей... Да, собственно, и акулы-то не проблема. Проблема у нас — гремучие змеи.

— Ах вот как... — вежливо говорю я, леденея и цепенея от ужаса: вид любой змеи, несмотря на то что она — тотем моего гороскопа по году рождения, повергает меня в состояние падучей.

— Ну да. Если укусит, главное, присутствия духа не терять. У нас тут сразу: вертолет, госпиталь, сыворотка... И все — о'кей. Да нет, все будет хорошо, — с энтузиазмом продолжал милый человек. — Тут все можно пережить, кроме хэригана.

— А... это кто? — уже в полуобмороке спрашиваю я.

— Не кто, а что: хэриган, ну! Ой, простите, по-русски — «ураган». Видите, вон в зданиях — проемы окон зияют?

Отлично, думаю я, закрывая глаза: значит, жара, крокодилы, акулы, гремучие змеи, ураганы, пенсионеры...

Меня привозят, я выступаю перед действительно немногочисленной, но доброжелательной аудиторией; заработок плевый, но мне уже не до заработков. Мне бы сесть завтра на самолет и вернуться к сестре в Бостон.

Встретивший меня милый человек предлагает завтра «показать город». Я бы, честно говоря, посидела в запертой от крокодилов и змей квартире с кондиционером,

но — делать нечего — вежливо соглашаюсь, стараясь скрыть тайный ужас перед этой прогулкой.

— Тогда я найду за вами в семь утра.

— Почему в семь? — осторожно интересуюсь я.

— А в девять утра гулять где бы то ни было по улице уже просто невозможно, — охотно отвечает он. И я ему верю.

И наутро мы идем пешком по городу, по набережной, я разглядываю яхты, виллы, парки... на каждом шагу вспоминаю свою умную сестру и, не вслушиваясь в голос моего провожатого, молча клянусь себе, что отныне... никогда, никогда!!! Господи, скорей бы сесть в самолет...

— У нас тут и люди разные интересные живут... — краем уха слышу я. — Например, воздушные канатоходцы Лина и Николай Никольские. Может, вам случалось бывать на их представлениях? Видели бы вы, как Коля шел по канату между двумя небоскребами! Без страховки!

И я останавливаюсь как громом пораженная, как соляной столп, — понимая в этот миг — ЗАЧЕМ судьба приволокла меня в летний невыносимый, крокодиловый-змеинный-акулий Майами.

Глядя на мое ошеломленное лицо, провожатый спрашивает:

— Что, хотите познакомиться?

А я одними губами:

— Хо-о-очу-у-у!!!

Так и встретила с замечательной Линой Никольской, которой и посвящен роман «Почерк Леонардо». Ибо до сих пор убеждена и повторяю в любом интервью на вопрос об этой книге, что Лина, уникальная воздушная гимнастка «подарила мне роман».

До известной степени так оно и есть. Просто Лина с великолепной щедростью делилась своим цирком, профессиональным багажом, судьбой, наконец. Моя героиня Анна проживает значительную часть цирковых

коллизий Лины Никольской. Целый год мы интенсивно переписывались; и это была настоящая работа, настоящая честная пахота: я «вскапывала» цирковое поле по сантиметру, изучая досконально все малейшие детали профессии и самого этого великого завораживающего мира.

А в первое наше свидание я была потрясена совсем другим: дом Никольских в Майами представлял собой настоящий питомник разных зверей. Несколько десятков попугаев! Кошки, собаки, целая стая белых павлинов во дворе... Кого там только не было. Разве что крокодилов и акул недоставало. Первым, кого я увидела, был огромный, щедро изукрашенный матушкой-природой попугай. Сначала я решила, что передо мной аляповато сделанная игрушка, уж больно яркие цвета: грудь зеленая, крылья красные, голова синяя... безвкусица какая-то... И вдруг голова игрушки склоняется к плечу, и на меня внимательно смотрят черные бусины глаз.

Лина сказала: «Ну, этот — так, красивая декорация. А вы вот взгляните на мою любимицу Шурочку, горбунью. Она не в клетке, она у меня в спальне живет».

Так я впервые увидела попугая жако. Умница-говоруны Шурочка в первую же минуту выдала мне свой репертуар. А когда в комнату вошла собака Каштан, Шурочка свесила с кровати крючковатый нос старой революционерки Розы Люксембург и прокуренным голосом прокричала:

— Каштан! Чего тебе?

У меня даже колени ослабели от потрясения.

Так появился еще один герой романа — Говард. Попугай жако, в один из трагических моментов сюжета спасающий мою героиню Анну...

...Этот роман я считаю заговоренным. Помимо множества тайн, которые он содержит, его сопровождает нечто вроде заговора: кинематографисты, которые сразу по

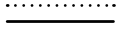
выходу новой книги обычно запрашивают у меня права на создание фильма, обходят этот роман стороной. Не решаются приближаться к вулкану эмоций, к завесе над тайнами, к коробу фокусника, к миражам оптических зеркал?...

Интересно, что эта книга, которую я никогда не относил к жанру фантастики, награждена премией «Портал» как лучшая фантастическая книга 2009 года.

Странно... Однако не более странно, чем необъяснимое исчезновение из сюжета, из жизни, из книги...главной ее героини. Ясновидящей Анны...

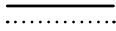
Дина Рубина

ПОЧЕРК
ЛЕОНАРДО

РОМАН

*Лине Никольской —
воздушному канатоходцу*

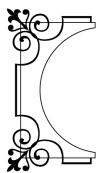
И остался Иаков один. И боролся
Некто с ним до восхода зари.

Бытие 32:25 — 26

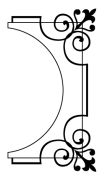
Итак, пусть никто не ожидает, что
мы будем что-либо говорить об анге-
лах¹.

*Бenedикт Спиноза.
«О человеческой душе»*

¹ Перевод В. Соколова.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Леворукость имеет атавистический и дегенеративный характер... Нередко встречается у сумасшедших, преступников и, наконец, у гениев¹.

Чезаре Ломброзо

1

Звонок был настырным, долгим, как паровозный гудок: межгород.

Телефон стоял в прихожей под большим овальным зеркалом, и, когда звонила мужнина родня, Маше казалось, что зеркало сотрясается, как от проходящего поезда, и вот-вот упадет.

Казенный плоский голос: ждите, Мариуполь на проводе. По голосам их, что ли, на работу принимают?

Звонила Тамара, двоюродная сестра мужа.

Обычно она поздравляла с Новым годом или соболезновала о смерти очередной тетки — у Анатолия в Мариуполе был целый хоровод престарелой родни.

Маша хотела сразу же передать ему трубку, но Тамара сказала:

— Постой-ка, Маш, я ведь именно что к тебе...

¹ Перевод К. Щербино.

И смущенной скороговоркой сообщила, что после неудачной операции аппендицита в Ейске померла племянница тети Лиды. Вот.

— Это какой же тети Лиды?

— Да видала ты ее, и племянницу видала на моей свадьбе. Тетя Лида, покойница, она не нам приходит-ся родней, а со стороны...

Ну, пошло-поехало... Короче, с той, другой стороны, не мариупольской, а ейской.

Маша давно уже оставила многолетние попытки запомнить все родственные связи изобильной мужниной родни.

— ...и, слышь, племянница-то померла, но от нее осталась девчоночка трех лет.

— Ну и что?

— А то, — явно волнуясь, торопливо рассказывала Тамара, — что эту девочку никто из ихней родни брать не хочет, хотя родня очень даже зажиточная: двоюродная сестра покойницы сама зубной техник, дом — полная чаша...

Живые с покойниками в той родне дружно шагали рука об руку из рода в род, весело переключаясь и переругиваясь, доспоривая, допевая песню и допивая шкалик.

Странно, что никто из той родни так-таки и не хочет взять этого ребенка.

Маша стиснула зубы. Не горячись, сказала она себе, никто не собирался тебя обидеть, никому дела нет до твоей боли.

— Томка... — наконец сказала она спокойно. — Ты мне все это зачем говоришь?

Та замылась. В трубке шумел равнодушный прибой чьих-то гулких голосов, и Маша вдруг поняла, что

ради этого разговора Тамара явилась на телеграф, выстояла очередь к кабине...

— Ну, может, вы подумаете, Маш... — словно бы извиняясь, проговорила та. — Все же у вас детей нет, может, это шанс? Как ни крути, а тебе уже... тридцать шесть?

— Тридцать четыре, — оборвала Маша. — И я надежды не теряю. Я лечусь.

— Ну, как знаешь... — Тамара сразу сникла, потеряла интерес к разговору. — Так ты и телефона не запишешь, бабы этой, дантистки? На всякий случай?

И Маша зачем-то записала, чтобы не обижать Томку — ведь хорошего хочет, дурында этакая.

Все у них просто, у этих мариупольских коров с полными выменами...

Она опустила трубку и подняла голову. Из овального, в резной черной раме зеркала на нее внимательно смотрела еще молодая женщина с подвижным, усыпанным обаятельной веснушчатой крупкой лицом. За спиной у нее, в проеме открытой в спальню двери, виден был отдыхающий после дежурства муж. Его босая ступня покачивалась маятником в такт то ли мыслям, то ли мотивчику, напеваемому беззвучно. Лицо заслонено ставнем раскрытой книжки, название и автор опрокинуты в зеркальце — прочесть невозможно.

Далее перспектива зеркала являла окно, где тревожно металась на ветру усыпанная белыми «свечками» крона киевского каштана. А выше и глубже поднималась голубизна небесной пустоты, то есть отражение сливалось со своим производным, иставало в небытии...

Вдруг ее испугало это.

Что? — спросила она себя, прислушиваясь к невнятному, но очень острому страху. Что со мной? Этот страх перед услужливо распахнутой бездной — почему он связан с привычным отражением в домашнем зеркале?

Всю ночь Маша не спала, дважды поднималась накатать себе валерьянки. Толя молчал, хотя она слышала, что и он ворочался до рассвета.

Ровно год назад у них после многолетних медицинских мытарств родился крупный, красивый мертвый мальчик.

Наутро после разговора с Мариуполем Маша дождалась, когда за мужем захлопнется входная дверь, и набрала номер телефона этой странной женщины, которая не могла или не хотела пригреть племянницу-сиротку.

И все сложилось: и дозвонилась быстро, и женщина оказалась на месте, и слышно было фантастически ясно. И разговор произошел мгновенный, отрывистый и исчерпывающий, словно судьба торопилась пролистнуть страницу с незначительным текстом.

Выслушав первую же Машину фразу, та сказала:

— Вы эту девочку не возьмете. Она невообразимо худа.

— Что это значит? — спросила Маша. — Она больна?

— Говорю вам, вы эту девочку не возьмете. Вы просто испугаетесь.

— А... где она сейчас? Кто за ней смотрит?

— Там соседка душевная, с покойной Ритой дружила. Она хлопочет насчет... определить девочку... в учреждение.